

Секция «История»

Распространители холерных слухов по версии властей: раскольники, поляки, филоматы и филареты. (Сызрань и Тверь. 1830 – 1831 гг.)

Барабанова Ксения Сергеевна

Аспирант

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (СПб ИИ

РАН), , Санкт-Петербург, Россия

E-mail: barabanova13@gmail.com

Любая эпидемия является чрезвычайной ситуацией, в которой как в зеркале отражаются скрытые конфликты и линии противостояния. Так было в 1771 г. в Москве в чумную эпидемию, когда в городе вспыхнул Чумной бунт, жертвой которого стал московский архиепископ Амвросий [6], и так было в 1831 г. в Санкт-Петербурге, где разразился Холерный бунт на Сенной площади, для усмирения которого прибыл сам император Николай I.

В 1830 – 1831 гг., в пик первой эпидемии, в городах и деревнях охваченных холерой вспыхивали «волнения», «возмущения» и оказывалось «неповиновение» противоэпидемическим мероприятиям, позднее эти события стали именоваться «холерными бунтами». Общим для них являются многочисленные слухи об «отравителях», врачах, которые хотят «убить всех русских» [2] и представление о холере, не как о болезни, а как о результате отравления мышьяком [7]. В Петербург сезонные рабочие принесли разнообразные местные представления о холере, личностях «отравителей» и пр., таким образом, в столице мы можем найти наиболее стойкие проявления фобий и нитей напряженностей, которые существовали в империи.

События осени 1830 г. в Сызрани можно отнести к холерным бунтам. Горожане сопротивлялись противоэпидемическим мероприятиям, в особенности карантинным мерам, что привело к конфликту с городничем Софоновым и главой городского магистрата бургомистром Дряхловым. Многие, под влиянием купца А. Кувшинова, считали, что холеры в городе нет. И даже после первых жертв, они продолжали отвергать наличие болезни, но обвинили городничего в намерение «сделать известному обществу вред» [3]. Благодаря прибывшей из Симбирска помощи сопротивление удалось подавить. Наказанию были подвергнуты девять человек, которых обвинили в нарушении карантинного устава и распространение слухов.

Особое ударение было сделано на то, что слух о том, что холеры в Сызрани нет, распространял раскольник А. Кувшинов. Его сообщником был объявлен отставной губернский секретарь Н. Кандицкий. Вдвоем «зачинщики вредных внушений» еще и оскорбляли городничего. Кувшинов подвергся наказанию нагайкой, был посажен в острог, а потом отправлен служить в Кавказский корпус. Его друг Кандицкий пытался скрыться, но был пойман и выслан в Симбирск, где военный суд вынес приговор о расстреле. Но холера, в которую так не верил Кандицкий, добралась и до него, и 13 октября он скончался в симбирской городской больнице.

Перед нами недоверие властей к раскольникам, которых первыми обвиняют в распространении слухов и призывах к неповиновению противоэпидемическим мероприятиям, то есть сопротивлению начальству. Отношение к раскольникам, как в представителя маргинальной группы, ставило их первыми в списке подозреваемых. Представляется

возможным говорить о некоем скрытом конфликте либо между городскими властями и раскольниками, либо личном конфликте в купеческой среде, между купцом 3 гильдии Кувшиновым и бургомистром Сызрани купцом Дряхловым.

Летом 1831 г. холера бушевала в Твери и 21 июня, одновременно с событиями в Петербурге, там вспыхнули «беспорядки». Поводом к ним были многочисленные слухи о том, что болезнь от испорченной зельями воды в колодцах и реках, «отравителями» же были неизвестные люди, подосланные поляками. Толпа поймала и привела тверскому гражданскому губернатору «отравителей»: отставного подпоручика Е. Чеботова и портного подмастерья Г. Гельда, так как первый был «дурно и бедно одет и должен быть поляк, а последнего, потому что он немец» [4]. Поляки стали главными претендентами на роль «отравителей» после начала Ноябрьского восстания 1830 г. Начавшиеся розыски распространителей слухов привели к учителю гимназии В. Будревичу и проживавшему у него отставному канцеляристу И. Чечоте [5]. Главной причиной обвинения стало то, что оба подозреваемых были участниками тайного общества филоматов в Виленском университете, которое было открыто в ходе следствия по делу общества филаретов [1]. Ян Чечот, который в материалах о бунте числится под именем Иван, отбыл год в Кизильской крепости, а его товарищ Будревич был выслан в российские губернии, и обоим было запрещено возвращаться до особого распоряжения. Тверской губернатор заподозрил Будревича и Чечота в заговоре с московским распространителем слухов П. Петровым, который по сведениям из Москвы находился в это время в Твери. Таким образом, бывшие филоматы, по представлению властей, могли сотрудничать с Петровым, что могло стать свидетельством существования тайной организации, целью которой было распространение нелепых слухов и усиление паники.

В ходе следствия тверским властям не удалось доказать причастность бывших филоматов к распространению слухов. Их освободили из под ареста и поместили под секретный полицейский надзор. Застрявший в Твери сначала из-за карантина, а потом из-за следствия Чечот устроился в канцелярию гражданского губернатора.

Перед нами предстает линия напряженных отношений между русскими и поляками, а правильнее сказать теми, кого считали поляками. Подвергшиеся наказанию за участие в обществе филоматов, Будревич и Чечот были самыми подходящими подозреваемыми. Представляется, что власти в большинстве своем разделяли представления и фобии местного населения, что могло способствовать распространению слухов.

Таким образом, при поиске распространителей нелепых слухов первыми подозреваемыми становились те, кто показали себя нелояльными к существующему строю, те с кем у местного населения и властей существовали конфликты, как например, с раскольниками или бывшими участниками тайных обществ, к тому же католиками.

Источники и литература

1. См.: Вильна 1823 – 1824: Перекрестки памяти. Минск, 2008.
2. Первая холера в Петербурге // Русский вестник. 1866. Т. 64. № 7. С. 225 – 236.
3. РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 5. Д. 439 (По выписке из всеподданнейшего рапорта о неповиновении некоторых граждан города Сызрани по случаю холеры). Л. 1 об.

4. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 479 (По донесении Тверского гр. Генерал губернатора о произведенных в городе Твери между простым народом беспорядков от неосновательных, по случаю появления там болезни холеры, только, и о прикосновенных к делу учителя тверской гимназии Будревича и канцеляриста Чечоты). Л. 12 об.
5. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 479. Л. 6.
6. Alexander J. Bubonic plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. New York, 2003.
7. Барабанова К.С. Первая эпидемия холеры в Санкт-Петербурге и холерные волнения (1831 г.) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013». М., 2013 (http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2181/57630_538a.pdf).